

DOI: 10.31857/S241377150014553-1

Мотивы прозы Н. М. Карамзина в повести А. А. Дьякова “Из записок социал-демократа”

© 2021 г. А. С. Ефимов

Соискатель кафедры истории русской литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
antonefimov33@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 06 декабря 2020 г.

Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. В статье рассматриваются связи антинигилистической повести “Из записок социал-демократа” (1875) А.А. Дьякова (А. Незлобин) с повестями Н.М. Карамзина, в первую очередь – с “Островом Борнгольмом” (1794). Данная тема имеет прямое отношение к исследованию влияния сентиментальной, предромантической (в том числе “готической”) и романтической литературы на антинигилистическую прозу 1860–80-х годов. Связь повести “Из записок социал-демократа” с творчеством Карамзина обусловлена, в первую очередь, следованием традиции путевых заметок (на европейском социально-политическом материале), начатой еще в “Письмах русского путешественника”. Вместе с тем, в тексте Дьякова воспроизводятся мотивы изгнания, заточения, страшной тайны и нерассказанной истории, являющиеся сюжетообразующими в “Острове Борнгольме” и фигурирующие в других повестях Карамзина. Особую трактовку у Дьякова получает и сюжет проникновения в тайну и обнаружения пленницы.

Ключевые слова: Александр Александрович Дьяков, антинигилистическая проза, “Кружковщина”, Николай Михайлович Карамзин, готическая проза, альманах “Аглая”, “Русский вестник”, XIX век.

Для цитирования: Ефимов А.С. Мотивы прозы Н.М. Карамзина в повести А.А. Дьякова “Из записок социал-демократа” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 47–52. DOI: 10.31857/S241377150014553-1.

Motives of N. M. Karamzin’s Prose in A. A. Dyakov’s Novella “From the Notes of a Social-Democrat”

© 2021 Anton S. Efimov

Post-Graduate Student at the Department of the History of Russian literature
of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
antonefimov33@gmail.com

Received by Editor on December 06, 2020

Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article examines the connections of the anti-nihilistic novella “From the Notes of a Social Democrat” (1875) by A. Dyakova (A. Nezlobin) with the novellas by N.M. Karamzin, and primarily, with his “Island of Bornholm” (1794). The chosen aspect of study will help to understand what particular influence the Sentimental, pre-Romantic (including the gothic) and Romantic literature had on anti-nihilistic prose of the 1860–1880s. The connection between the novella “From

the Notes of a Social Democrat” and the work of Karamzin might be explained, on the one hand, by the continuity of tradition of writing travel notes (based on the European socio-political material), which initially was reflected in “The Letters of a Russian Traveler”. On the other hand, Dyakov’s text explores the motives of exile, imprisonment, a terrible secret and an untold story, which are plot-forming in “Bornholm Island” and appear in other stories by Karamzin. The plot of penetrating a secret and of discovery of the female prisoner also receives special treatment in Dyakov’s work.

Key words: Alexander Alexandrovich Dyakov, anti-nihilistic prose, “Kruzhkovshchina”, Nikolai Mikhailovich Karamzin, gothic prose, almanac “Aglaya”, “Russian Bulletin”.

For citation: Efimov, A.S. *Motivy prozy N.M. Karamzina v povesti A.A. Dyakova “Iz zapisok social-demokrata”* [Motives of N.M. Karamzin’s Prose in A.A. Dyakov’s Novella “From the Notes of a Social-Democrat”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 47–52. (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150014553-1.

Александр Александрович Дьяков (1845–1895) остается одним из малоизученных писателей второй половины XIX века. История его жизни и творчества не написана. Известно, что в период 1869–1873 гг. он служил учителем, а затем нотариусом в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Позже, в Харькове, сошелся с кружками революционеров, занимался пропагандой. В 1874 г. покинул Россию, опасаясь доноса. Жил в Цюрихе, Дрездене, Берлине, Праге, поддерживая отношения с кружками русских политических эмигрантов. В этот период писатель порвал с революционерами, разойдясь с ними во взглядах на будущее России. Оставаясь в эмиграции, он наладил связи с М.Н. Катковым и во время Русско-турецкой войны писал статьи в “Московские ведомости” [1, с. 203]. Но литературную известность Дьякову принесли антинигилистические повести из цикла “Кружок”, опубликованные под псевдонимом “А. Незлобин” в журнале “Русский вестник” в 1875–1877 гг.: “Из записок социал-демократа” (1875), “Фатальная жертва” (1876), “В народ!” (1876) и “Weltschmerzer” <немецк. мировая боль> (1877). В консервативно-патриотическом лагере произведения Дьякова были восприняты сочувственно, а в кругах революционно-демократических, социалистических – негативно. По словам Дьякова, «первый очерк “Кружка” (Из записок социал-демократа) подвергся самому бесцеремонному искажению гг. рецензентов» [2, с. 119]. Позже вышло собрание его повестей [3].

В число литературных подтекстов этих повестей, как и в целом антинигилистической прозы 1860–80-х годов, входит ряд памятников русской предромантической и в частности готической прозы второй половины XVIII – первой половины XIX в. (см.: [4];

[5]; [6]), в том числе несколько повестей Н.М. Карамзина. Напомним, что именно в его альманахе “Аглая” (1794–1795) впервые в отечественной литературе тема революции оказалась связана с “готическим ужасным”. С одной стороны, в повестях “Остров Борнгольм” (1794), “Сиерра-Морена” (1795), “Дремучий лес” (1795) обыгрывались мотивы и сюжеты готической литературы “ужаса и тайны”, а с другой стороны, в письмах Филалета и Мелодора и в том же “Острове Борнгольме” выдвигалась тема французской революции как предвестия гибели европейской цивилизации. Ср.: “Свет наук распространяется более и более; но еще струится на земле кровь человеческая – льются слезы несчастных – хвалят имя добродетели и спорят о существовании ее” [7, т. 1, с. 668].

В русской антинигилистической прозе доминирует представление о революции как о надвигающейся исторической катастрофе. Нигилистов обвиняют в беспринципности, бесчеловечности, безнравственности, а для оформления их образов привлекается целый комплекс приемов устрашения, разработанных в готической прозе. Нигилисты демонизируются, в романах появляются периферийные сюжеты тайн, а готические мотивы адаптируются к конкретному социально-политическому контексту. Например, сохраняется распространенный мотив приглашения в свой дом нечисти¹, где место последней занимает

¹ Мотив, связанный с демоном Матильдой из романа “Монах” (1796) М. Льюиса, героем рассказа “Вампир” (1819) Д. Полидори, Варфоломеем из повести “Уединенный домик на Васильевском” (1828) В.П. Титова и А.С. Пушкина и др., оказывается связанным со студентом Кедровым в романе “Тайны современного Петербурга” (1875) В.П. Мещерского, с Поляровым в “Панурговом стаде” (1869) В.В. Крестовского, Глафирой Бодристойной в “На ножах” (1870–1871) Н.С. Лескова и др.

нигилист – нечисть социальная. При этом последняя часто вызывает двойственное к себе отношение. “Оно <революционное движение> у нас комично по своему бессилию, по умственной ограниченности”, – заявляет Дьяков [1, с. 203]. В этом ключе он и описывает деятелей русской эмиграции. Но смех соседствует с ужасом от поступков революционеров. Изображается их глубокая порочность и нравственное разложение (см.: [8, с. 57–66]).

Литературные контексты повестей Дьякова обширны. Вероятно влияние романтической повести О.М. Сомова “Киевские ведьмы” на “Фатальную жертву” (1876) Дьякова, где для изображения нигилистов использована разработанная романтиками тема шабаша (см.: [4]). Связь с литературой таинственного и ужасного подтверждается и при анализе повести “Из записок социал-демократа”, связанной на уровнях характеров, сюжетов и отдельных мотивов с “Островом Борнгольмом” Карамзина, а также другими его повестями.

Прежде всего, отметим, что в повести Дьякова фигурирует имя Карамзина. “По середине возвышались два огромные камня, образовавшие ворота. Под одним из них когда-то сидел Карамзин” [3, т. 1, с. 48] – так описывается Рейнский водопад в Шаффхаузене (у Дьякова – “Шафгаузен”), осматриваемый Жерновым и Верой Чужаевой, героями повести. Уже эта деталь говорит о тяготении Дьякова или по крайней мере о его внимании к “карамзинскому контексту”, в данном случае – к “Письмам русского путешественника” [7, т. 1, с. 226–229] и к “Острову Борнгольму”, герой которого находится в пути. Жернов, напомним, русский эмигрант-революционер, путешествующий по Европе (как и сам Дьяков). Вместе с тем, в повести фигурируют мотивы несчастной любви, брошенной возлюбленной и самоубийства, являющиеся сюжетобразующими в “Бедной Лизе” (1792). “Она <Вера> перегнулась на перила и смотрел вглубь водомета. – Приходила ли вам когда-нибудь мысль броситься вот в этакую бездну? – Нет. – Не знаете же вы горя”, – говорит она Жернову [3, т. 1, с. 51]. Как и Лизу, героиню Дьякова бросает возлюбленный (выведенный за рамки сюжета); впрочем, трагическая развязка у Дьякова, в отличие от Карамзина, отсутствует, она лишь намечена как возможная.

Обнаруживаются и переклички с повестью “Сиерра-Морена” (1795): Дьяков воспроизводит ее ситуацию, когда молодой человек

добивается взаимного чувства от женщины, которая поклялась не любить никогда. В обоих случаях действие происходит в живописном месте: у Карамзина – в испанской Андалузии у вод Гвадалквивира, у Дьякова – в горах Швейцарии у вод Рейна; при этом сохраняются значимые элементы пейзажа “Сиерры-Морены”, в том числе “шум водопадов” и “бледная луна”. Одновременно учитывается идеальный пейзаж “Острова Борнгольма”: “Крутой, лесистый берег <...> с идиллическим щебетом птиц, казался раем, властительно охватывал душу тихим, тоскливым умилением, негой, счастьем” [3, т. 1, с. 52]. Ср.: “<...> десница твоя напечатлела живые знаки <...> благодати, и здесь <...> зеленые ковры расстилаются, как мягкий бархат, <...> и здесь поют птички – поют весело для веселого, печально для печального, приятно для всякого” [7, т. 1, с. 672].

Мотивы изгнания, заточения, страшной тайны и нерассказанной истории в повести Дьякова связаны с “Островом Борнгольмом”, они же формируют особого типа сюжет (см.: [5, с. 21]) и характерологию, соответствующие литературе таинственного и ужасного: герой проникает в страшную тайну и находит “сокрытое” – жертву, результат преступных действий, нарушенного табу.

У Карамзина герой-повествователь обнаруживает запертую в подземелье девушку Лилу, дочь старого хозяина замка на острове Борнгольм. У Дьякова действие развивается до определенного момента аналогично: герой-повествователь встречает Веру Чужаеву, вынужденную затворницу, приведенную матерью-старухой на чужбину, в город в Швейцарии. Встрече предшествует проникновение в дом, обрисованный в соответствии с традицией изображения уединенного таинственного места в готической прозе; показательно, что не только у Карамзина, но и у Дьякова героев предупреждают об опасности, исходящей от этого места: “Вот, батюшка, эти Чужаевы, – начал он, указывая глазами на окна, – не приведи вас господь... – Что такое? – Остерегайтесь...” [3, т. 1, с. 5]. Ср.: «Мальчик не мог сказать мне, кому принадлежал сей замок. “Мы туда не ходим, – говорил он, – и бог знает, что там делается!”» [7, т. 1, с. 666]. Но и сам герой наделен некоторыми чертами, напоминающими о литературе “ужаса и тайны”. Во-первых, он появляется под окнами каждый вечер “как привидение”,

слушая “пение загадочной отшельницы” [3, т. 1, с. 2]; во-вторых, его образ соотнесен с рыцарской темой, причем если в “Острове Борнгольме” рыцари или их доспехи пугали героя-повествователя (“Мне казалось, что все латы, висевшие на стене, превратились в рыцарей, что сии рыцари приближались ко мне с обнаженными мечами и с гневным лицом <...>” [7, т. 1, с. 669]), то у Дьякова герой-повествователь рассуждает именно о своем “непрошенном рыцарстве” [3, т. 1, с. 3]. Пожилая мать героини изображается в тонах “Пиковой дамы” Пушкина (в свою очередь давно соотнесенной с готической литературой): “Старуха глядела сурово, даже зло. Из бесчисленных морщин, покрывавших во всех направлениях лицо ее, с какою-то холодной, неподвижной жестокостью глядели сухие, выцветшие глаза <...> на тонких вдавненных губах бродила не улыбка, а скорее судорога <...> Одета она была в черное платье с талией, и как-то особенно неприглядно глядела ее костлявая тощая фигура” [3, т. 1, с. 24–25]. Конечно, эта женщина не обладает суровостью и беспощадностью хозяина замка в “Острове Борнгольме” (другое дело, что сюжетная функция этих персонажей одна и та же — они держат героинь взаперти, и в обоих случаях акцентированы черты “готического тирана”). При этом о Вере Чужаевой говорится: “Должно быть, она очень несчастна. Красивое, строго-решительное лицо её, по временам, неожиданно принимало пугливо-растерянный вид” [3, т. 1, с. 17]. Ср. в “Острове Борнгольме”: “Кого не трогает вид несчастного! <...> Она смотрела на меня неподвижными глазами, в которых видно было удивление, некоторое любопытство, нерешимость и сомнение” [7, т. 1, с. 670–671].

В отличие от большинства сюжетов антинигилистической прозы, приход молодого нигилиста в дом не оказывается чем-то губительным для семьи, а, наоборот, оборачивается спасением для девушки; “страшный” сюжет оборачивается благополучной развязкой, как в иронической повести Карамзина “Дремучий лес”. В период знакомства с Верой Жернов уже начинает дистанцироваться от швейцарских кружков русских революционеров. Его ценности претерпевают изменения. А проникновение в страшную тайну семьи Чужаевых и вовсе заставляет его отвернуться от своих товарищей и их сомнительных идеалов. Но, как и в повести Карамзина “Остров Борнгольм”, содержание тайны остается скрытым от читателя. Доподлинно мы не знаем, что именно

случилось с Верой на родине. Известно лишь, что девушка была нигилисткой и имела отношение к соответствующим кружкам. “Теперь ты подумай, мой милый, должна ли я быть твоею женой, — говорила мне Вера, рассказав свою историю, грустную и *страшную историю*” [3, т. 1, с. 53; курсив здесь и далее наш. — А.Е.]. Читателю даются лишь намеки: “Я любила... Я так хотела... Я много страдала... Должна была оставить Россию” [3, т. 1, с. 54]. Ср. в “Острове Борнгольме”: “Мы сели под деревом, и старец рассказал мне *ужаснейшую историю* — историю, которой вы теперь не услышите, друзья мои; она остается до другого времени. <...> я узнал тайну гревзендского незнакомца — *тайну страшную!*” [7, т. 1, с. 673].

Итак, в финалах обеих повестей на первый план выдвигается мотив нерассказанной истории. У Карамзина подоплёкой является любовная связь между братом и сестрой (см., например: [9, с. 90]). А Дьяков оставил намеки, позволяющие предположить, что причиной бегства Веры из России в Швейцарию стала внебрачная беременность. Жернов наблюдает в кружке эмигрантов-революционеров две сцены, которые, на наш взгляд, являются проекцией произошедшего с молодой Верой Чужаевой, хоть и не связаны напрямую с ее судьбой. Но они отражают нравы, царящие в среде нигилистов: “Одна из женщин была поразительно молода, сущий ребенок; она усерднее всех рисовалась цинизмом, поднимала подол, чтобы юбками вытереть стол, залитый пивом, и нахально улыбалась, обводя глазами своих собеседников и разбрасывая им на колени свои детские ноги” [3, т. 1, с. 31]. Вторая сцена — “суд” над кружковцем Фингаловым, соблазнившим гражданку Лебедеву: “Я требую, чтобы Фингалов со мной повенчался <...> Я... я беременна; требую этого для ребенка”, “Я увлеклась господином Фингаловым во имя общей работы, во имя тех идей, которыми все мы прельщаемся, на которых все мы обманываемся” [3, т. 1, с. 33].

Здесь происходит развитие-переосмысление конфликта, обозначенного еще в “Бедной Лизе”. Если в повести Карамзина свобода любить вступает в противоречие с сословными ограничениями (Эраст зависим от общественного мнения), то у Дьякова свобода любви, активно проповедуемая нигилистами, конфликтует с ограничениями мировоззренческими, причем прямо противопоставленными патриархальной “чувствительности”.

Лебедеву осмеивают, поскольку в кружке нигилистов отрицается институт брака, он считается предрассудком. Тут же выясняется, что у Фингалова в России есть жена и трое детей, поэтому жениться снова он не может. Дьяков, как и Карамзин, выдвигает тему преступной безответственности, но опирается он, конечно, не только на Карамзина: Вера Чужаева и Лебедева оказываются в одном ряду с таким “брошенными” героинями антинигилистической прозы, как Нюта Лубянская из романа “Панургово стадо” Крестовского, Глафира Акатова из романа Лескова “На ножах”, Даша и Лиза из “Бесов” Достоевского и др. Уже это обстоятельство свидетельствует о том, что Дьяков вовсе не следует послушно за Карамзиным: он лишь учитывает его, и многое у Дьякова из Карамзина невыводимо, а прежде всего — подчеркнутый антиэстетизм нигилистов-революционеров, сочетающийся с открытым цинизмом. Если это мир Карамзина, то вывернутый наизнанку. Но и в страшном и, казалось бы, фундаментально ущербном мире все же находится место карамзинскому идеализму, и представление о любви как о чем-то светлом и высоком противопоставлено холодному разврату. При этом Дьяков, как некогда Карамзин или Достоевский, в свою очередь на него опирающийся (см.: [10, с. 179–180]), учитывает идеологию “руссоизма”, понимая ее двусмысленность: “прогрессивность” в любой момент может обернуться нравственной деградацией, а идеал “естественного человека”, свободного в чувствах, честного, простого и равноправного с другими, оказывается уже не “сентименталистской”, а нигилистической утопией.

Таким образом, темы антинигилистической полемики в повести Дьякова “Из записок социал-демократа” реализуются, с одной стороны, через систему мотивов и сюжет повести “Остров Борнгольм”, а с другой — через конфликт и отдельные мотивы “Бедной Лизы”. Но в отличие от “Острова Борнгольма”, где девушка остается в суровом заточении, и “Бедной Лизы”, где брошенная любовником героиня кончает жизнь самоубийством, повесть Дьякова заканчивается благополучно: Жернов становится спасителем затворницы Веры и женится на ней (в этом смысле оправдывая свое “непопранное рыцарство”, о котором мы упомянули выше). Герои преодолевают “ужасное и таинственное” нигилистическое прошлое и устремляются к сентиментальному идеалу свободного чувства, оберегаемого браком. Так,

в своей первой повести Дьяков, учитывая давние опыты Карамзина, выдвигает этический идеал, принципиально несовместимый с нигилизмом, борьбу с которым продолжает на протяжении всего последующего творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майорова О.Е. Дьяков Александр Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 203–204.
2. Незлобин А. <Дьяков А.А.> Фатальная жертва // Русский вестник. 1876. № 5. С. 119–192.
3. Незлобин А. <Дьяков А.А.> Кружковщина. “Наши лучшие люди — гордость нации”: Рассказы А. Незлобина. Одесса: Изд. П. Цитовича. 1879. Вып. 1–3.
4. Ефимов А.С. Повесть “Фатальная жертва” А.А. Дьякова (А. Незлобина) и мотив “нечестивого собрания” // *Litera*. 2020. № 3. С. 34–40.
5. Ефимов А.С. Русский антинигилистический роман 1860–1870 гг. и “готический сюжет” // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. № 12. С. 18–22.
6. Ефимов А.С. “Тайны современного Петербурга” В.П. Мещерского и “Уединенный домик на Васильевском” В.П. Титова и А.С. Пушкина // *Litera*. 2020. № 1. С. 124–134.
7. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. / Сост., вступ. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Художественная литература, 1964.
8. Цейтлин А.Г. Сюжетика антинигилистического романа // *Литература и марксизм*. 1929. Вып. 2. С. 33–74.
9. Вацууро В.Э. Готический роман в России. М.: НЛО, 2002. 542 с.
10. Ивинский Д.П. Роман Достоевского “Идиот” и альманах Карамзина “Аглая” // *Филологический журнал*. 2018. № 3. С. 161–184.

REFERENCES

1. Mayorova, O.E. *Dyakov Alexander Alexandrovich*. [Dyakov Alexander Alexandrovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2: G–K. Moscow, 1992, pp. 203–204. (In Russ.)
2. Nezlobin, A. <Dyakov, A.A.>. *Fatalnaya zhertva* [Fatal Sacrifice]. *Russkij Vestnik* [Russian Bulletin]. 1876, No. 5, pp. 119–192. (In Russ.)

3. Nezlobin, A. <Dyakov, A.A>. *Kruzhkovshchina. Nashi luchshie lyudi – gordost nacji: rasskazy* A. Nezlobina [Kruzhkovshchina. Our Best People are the Pride of the Nation: A. Nezlobin's Stories]. Odessa, 1879, Vol. 1–3. (In Russ.)
4. Efimov, A.S. *Povest "Fatalnaya zhertva" A.A. Dyakova (A. Nezlobina) i motiv "nechestivogo sobraniya"* [The Story "Fatal Sacrifice" by A.A. Dyakov (A. Nezlobin) and the Motive of the "Unholy Meeting"]. *Litera*. 2020, No. 3, pp. 34–40. (In Russ.)
5. Efimov, A.S. *Russkij antinigilisticheskij roman 1860–1870 gg. i "goticheskij syuzhet"* [The Russian Anti-Nihilistic Novel of 1860–1870 and "Gothic Plot"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2019, No. 12, pp. 18–22. (In Russ.)
6. Efimov, A.S. *"Tajny sovremennogo Peterburga" V.P. Meshcherskogo i "Uedinyonnyj domik na Vasiljevskom" V.P. Titova i A.S. Pushkina* ["Secrets of Modern Petersburg" by V.P. Meshchersky and "A Secluded House on Vasilievsky" by V.P. Titov and A.S. Pushkin]. *Litera*, 2020, No. 1, pp. 124–134. (In Russ.)
7. Karamzin, N.M. *Izbranny'e sochineniya v 2-kh t.* [Selected Works in Two Volumes]. Moscow, Leningrad, 1964, Vol. 1–2. (In Russ.)
8. Tsejtin, A.G. *Syuzhetika antinigilisticheskogo romana* [The Plot of the Anti-nihilistic Novel]. *Literatura i marksizm* [Literature and Marxism]. 1929, Vol. 2, pp. 33–74. (In Russ.)
9. Vatsuro, V.E. *Goticheskij roman v Rossii* [Gothic Romance in Russia]. Moscow, NLO Publ., 2002. 542 p. (In Russ.)
10. Ivinsky, D.P. *Roman Dostoevskogo "Idiot" i almanah Karamzina "Aglaya"* [Dostoevsky's Novel "The Idiot" and Karamzin's Almanac "Aglaya"]. *Filologicheskij zhurnal* [Philological Journal]. 2018, No. 3, pp. 161–184. (In Russ.)